

М. П. ИРОШНИКОВ

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Для нашего соотечественника, россиянина, во все времена и эпохи вопрос о государственности был важнейшим, основополагающим, ибо в нашей стране, будь то Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, СССР или постсоветская Россия, государство всегда представляло собой не просто государственную власть, а нечто большее. Достаточно сказать, что во многом именно единая общая государственность объединяла и связывала вместе на протяжении целого ряда веков громадное число больших и малых народов, различавшихся по этническому происхождению, вере и культуре, образу жизни и уровню социально-экономического развития. И при введении христианства в Древней Руси, и в эпоху преобразований Петра I, и во времена великих реформ 60–70-х гг. XIX в., и в почти 75-летний советский период, и, наконец, в постсоветские годы именно государственная власть, государственная идеология и правительственная политика во многом формировали новые экономические, социальные и культурные структуры общества¹.

Феномен развития российской государственности, ускоренного экстремальными условиями и необходимостью решения общенациональной освободительной задачи, и окончательно утвердившегося в виде Московского самодержавия не имеет прямых аналогов в истории других народов. «Московское самодержавие, – размышлял в своей работе “Россия и свобода”, – известный религиозный мыслитель и историк Г. П. Федотов, – при всей своей видимой цельности было явлением очень сложного происхождения. Московский государь, как князь Московский, был вотчинником, “хозяином земли русской” (так называли еще Николая II). Но он же был преемником и ханов-завоевателей и императоров византийских. Царями называли на Руси и тех, и других. Это слияние разнородных идей и средств власти создавало деспо-

¹ Об этом см. также: Ирошников М.П. 1) О некоторых особенностях российской государственности: исторический опыт и современность // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 24–25 апреля 2001 г. Ижевск, 2001. С. 190–194; 2) Государственность в России: традиции и современность // Исследования по русской истории. К 65-летию профессора И. Я. Фроянова. Санкт-Петербург, Ижевск, 2001. С. 357–365.

тизм, если не единственный, то редкий в истории»². Неслучайно, например, в адресованной уже в 1724 г. Петру I рукописи знаменитого сочинения «Книга о скудости и богатстве» ее автор, крестьянин-ремесленник, ставший купцом и фабрикантом Иван Посошков отмечал: «... у нас самый властительный и вцелый монарх, а не орестократ, ниже димократ... Царь наш... самодержавный повелитель, как чему повелит быть, тако и подобает тому быть неизменно...»³.

Формирование такого необычайно пестрого и мозаичного по составу населения и одновременно сверхцентрализованного гигантского государственного и социально-культурного образования, вместившего в себя традиции и уклады жизни многих народов, – азиатского, с точки зрения европейца, и слишком европеизированного, на взгляд азиата, – которое на протяжении веков усваивало элементы столь разнородных культур, во многом явилось результатом своеобразного геополитического положения страны, сочетавшей Азию и Европу, Восток и Запад.

Вместе с тем, а может быть именно поэтому, в России генезис и развитие государственности происходило в особо тесном взаимодействии с факторами культурно-идеологического порядка, которые выступали не просто «надстройкой» экономического, политического базиса, но и играли исключительную роль в утверждении, поддержке, оправдании существования сменявшихся режимов. Так было и во времена Московского царства, и в период Российской империи, когда сначала идеология «третьего Рима», а затем – «православия, самодержавия и народности» веками служили надежной опорой единовластию, а царское самодержавие являлось не только формой государственной власти, но одновременно также и формой общественного сознания.

Традиционная «власть от Бога» русского государя накладывала свой отпечаток абсолютно на все стороны жизни и менталитета общества, психологического восприятия его личности народом, исторически ориентированным на «царя» снизу доверху. «У русских верховная власть почитается, подобно религии, – отмечал путешествовавший по России в 1839 г. маркиз де Кюстин, – авторитет которой остается всегда великим, независимо от личных достоинств священнослужителей»⁴.

² Федотов Г. Л. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1992. Т. 2. С. 283.

³ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1937. С. 295, 314.

⁴ Астольф де Кюстин. Николаевская Россия. М., 1990. С. 108.

Отмеченное обстоятельство нашло выразительное отражение и в официальных актах империи. Так, статья 1-я «Основных государственных законов» от 23 апреля 1906 г. гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»⁵.

Так было и при Советской власти, когда российский вариант марксизма, культура социалистического реализма, материалистическое мировоззрение, классовая мораль являлись не только опорой, но и важнейшими элементами воспроизводства тоталитарной власти и этакратического общества, в котором господствовала заменившая религию коммунистическая идеология.

Тяготевшая в лице своих лучших представителей к европейской культуре, просвещению и демократии Российская монархия сохраняла в себе черты восточной деспотии, оставаясь фактически вплоть до своего конца «страной рабов, страной господ». И если в Европе к середине XIX в. уже почти повсеместно установились парламентские республики или конституционные монархии, то русские крестьяне, чье закрепощение окончательно и полностью оформилось Соборным Уложением царя Алексея Михайловича в 1649 г., как раз в год победы Английской буржуазной революции, получили, как известно, юридическую свободу лишь в 1861 году.

Эта принципиально важная особенность исторического развития общества и государственности России во многом также была связана не только с необходимостью успешного отражения внешних угроз, но и особенно, пожалуй, с неблагоприятными климатическими условиями, в которых находилась страна. «Долго иностранцы, а за ними и русские, – отмечал в публичных чтениях о Петре Великом выдающийся отечественный историк С. М. Соловьев, – изумлялись и глумились над этим явлением: как это случилось, что в то самое время, как в Западной Европе крепостное право исчезло, в России оно вводилось...»⁶.

С этими примечательными наблюдениями как бы перекликается и вывод, к которому пришел Г. П. Федотов. «Весь процесс исторического развития на Руси, – писал он, – стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству. Рабство диктовалось не капризом властителей, а новым национальным заданием, создания Империи на скудном экономическом базисе. Только крайним и всеобщим напряжением, желез-

⁵ Законодательные акты переходного времени. СПб., 1907. С. 571.

⁶ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 431–432.

ной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это нищее, варварское, бесконечно разрастающееся государство... Сознательно или бессознательно, он (народ. – М. И.) сделал свой выбор между национальным могуществом и свободой»⁷.

Наряду с самодержавной, цезарепапистской, властью монарха и крепостничеством еще одной важнейшей и характерной чертой, наглядно отражавшей гипертрофированную роль государства во всех областях социально-экономической жизни, стал быстрый рост предельно централизованных управленческих структур российского чиновничества. Цифры равнодушной статистики в данном случае красноречивее слов. Если в 1796 г. чиновничество России насчитывало 15–16 тыс. человек (т.е. 1 чиновник приходился на 2250 жителей), то в 1815 г. его численность превышала 74 тыс. человек (1 чиновник на 929 жителей), а в 1903 г. эта каста составила уже 385 тыс. человек (1 чиновник на 335 жителей)⁸. Таким образом, общее число российских чиновников только за XIX в. с учетом роста населения увеличилось почти в 7 раз.

Небезынтересны некоторые данные о развитии этого процесса в России XX века. Как видно из материалов первой переписи советских служащих к осени 1918 г. в центральном советском госаппарате насчитывалось около 25 тыс. сотрудников⁹. По данным переписи советских служащих Москвы, проведенной 16 октября 1922 г., в центральных государственных и местных учреждениях было соответственно 76 120 и 127 965, а всего – 204 085 тыс. человек¹⁰. Общая численность служащих государственного аппарата в СССР при И. В. Сталине составляла 532 тыс. человек, при Н. С. Хрущеве – 500 тыс., при Л. И. Брежнев – 753 тыс., при М. С. Горбачеве – 643 тыс. Достаточно выразительны сведения об управленцах в государственных органах постсоветской России при Б. Н. Ельцине: 1992 г. – 817 тыс., 1994 – 1 004 тыс., 1997 – около 1 110 тыс.¹¹ При этом, по подсчетам акад. Т. И. Заславской, по сравнению с СССР абсолютная численность слоя правящей бюрократии выросла вдвое, а относительная (на

⁷ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. С. 284.

⁸ См.: Зайончковский ПА. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 221.

⁹ См.: Ирошников МЛ. Рожденное Октябрем: очерки истории становления Советского государства. Л., 1987. С. 107.

¹⁰ См.: Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы; 1917–1920 гг. М., 1998. С. 117.

¹¹ См.: У кого аппарат больше? // Аргументы и факты. 1998. Май. № 22. С. 6; Кошванец В. Гиперболы диссидента Солженицина // Санкт-Петербургские ведомости. 1998. 20 июня.

1.000 человек населения) вчетверо¹². Весьма показательно и такое сравнение: если при В. И. Ленине в Управлении делами Совнаркома РСФСР в 1918–1920 гг. было всего от 50 до 75 сотрудников, то на 12 февраля 1999 г. штатный состав только аппарата администрации Президента России насчитывал 1721 человек¹³. В результате, если содержание первого лица советского государства – генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева обходилось стране в полмиллиона долларов в год, то «функционирование» президента России Б. Н. Ельцина в 1999 г. стоило в 4 раза дороже – 2 млн. 200 тыс. долларов¹⁴.

Обращение к многовековому историческому опыту отечественной государственности показывает, что неоднократные попытки решить (как с помощью реформ, так и путем революционных преобразований) те или иные назревшие экономические и политические проблемы, как правило, не достигали успеха (полного или в различных областях) во многом из-за несоответствующего уровня социально-культурного развития общества, его менталитета. Наиболее показательной представляется важнейшая роль идеологии и общего уровня социально-культурного и духовного прогресса в событиях, связанных с российскими революциями начала XX в., а также с созданием и последующим развитием советского государства и общества. «Русские революционеры и в прошлом всегда были тотальны, – писал выдающийся мыслитель Н. А. Бердяев. – Революция была для них религией и философией, а не только борьбой, связанной с социальной и политической стороной жизни. И должен был выработаться русский марксизм, соответствующий этому революционному типу и этому революционному тоталитарному инстинкту. Это – Ленин и большевики». Именно этот, трансформировавшийся на русской почве марксизм, – подчеркивал автор труда «Истоки и смысл русского коммунизма», «показал, как велика власть идеи над человеческой жизнью, если она тотальна и соответствует инстинктам масс»¹⁵.

¹² Заславская Т.И. Проблема демократической переориентации экономики современной России // Общество и экономика. 1997. № 1–2. С. 54–55.

¹³ См.: Ирошников М.П. Председатель Совнаркома и Совета Обороны В. Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в июле 1918 – марте 1920 гг. Л., 1980. С. 83; Кремлевская администрация сокращается // Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 12 февраля.

¹⁴ Валюжная Г. Кто привилегированнее: генсек или президент? // Аргументы и факты. 1999. Декабрь. № 51. С. 12.

¹⁵ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 87–88.

Вот почему в поисках ответа на вопрос «кто виноват?» в неиспользовании неоднократно открывавшихся возможностей сотрудничества разных, в частности, демократических и социалистических партий, легализовавшихся после царского манифеста 17 октября 1905 г., обязательно надо учитывать специфику социально-политического и культурного развития России вообще и на рубеже XIX–XX столетий в особенности. Всего около полувека нормального (и то относительно) буржуазно-демократического развития, отсутствие в отличие от Западной Европы достаточно цивилизованных социальных и культурных взаимосвязей, средств коммуникации и мест общения, крепких и отлаженных механизмов городских и сельских самоуправлений; а также самоуправляющихся религиозных общин, кратковременность существования (чуть более десятилетия) российской Государственной Думы – бледной копии европейских парламентов – все это не способствовало утверждению прочных традиций подлинно демократических социальных институтов и политических прав и свобод. «Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать, – признавался член II, III и IV Государственной Дум, один из лидеров отечественных националистов и монархистов В. В. Шульгин. – Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова, и немело сердце»¹⁶.

Не удались и попытки создать пользующееся всеобщей поддержкой действительно всенародное Учредительное собрание. Причем в равной мере это относится и к до- и к послеоктябрьскому периодам. Как вспоминал один из руководящих деятелей эсеров Н. В. Святицкий, «Учредительное собрание бесславно погибло... не потому, что у нас не было индивидуальной решимости погибнуть вместе с ним... Обстоятельства заключались... не в матросском окрике, а в том равнодушии, с каким отнесся народ к нашему разгону, и которое позволило Ленину махнуть на нас рукой»¹⁷. И это неудивительно. Потребность в социально-политических институтах и свободах и общественная культура – явления неразрывные. Ее и не могло быть в массе при наличии в России начала XX в. около 75 % неграмотного населения, старшее поколение которого еще хорошо помнило крепостное право. Не случайно видный рус-

¹⁶ Шульгин В.В. Дни. М., 1989. С. 171.

¹⁷ Утро страны Советов. Воспоминания участников и очевидцев революционных событий 25.10.(7.11)1917–10.03.1918. Л., 1988. С. 393.

ский философ Вл. Соловьев считал, что «главная наша немощь состоит в слабом развитии личности, а через это и в слабом развитии общественности»¹⁸.

Именно поэтому в условиях нараставшего в годы первой мировой войны общего кризиса и наступившего осенью 1917 г. чрезвычайного обострения межклассовых и межнациональных отношений, при отсутствии достаточного уровня развития культуры (в том числе политической), необходимого опыта социальных компромиссов и устойчивых демократических форм, обеспечивающих цивилизованное решение противоречий и конфликтов, т.е. всего того, что М. Я. Гефтер удачно назвал «структурами политического согласия», — идея «гражданской войны» для лидеров многих политических партий и группировок оказалась более приемлемой, чем идея «гражданского мира». Политические амбиции и недееспособность одних, максимализм и несговорчивость других привели к крушению открывшейся в феврале буржуазно-либеральной альтернативы и установлению в октябре 1917 г. Советской власти, у руля которой встали радикальные большевики во главе с В. И. Лениным.

После Октябрьской революции, которая, по признанию Н. А. Бердяева, «путем страшных насилий освободила народные силы, призвала их к исторической активности, в этом ее значение»¹⁹, — всего за 7, а фактически за 5 лет, когда у руководства советской Россией находился В. И. Ленин, удалось добиться победы в гражданской войне; в основном восстановить на новой основе единство и территориальную целостность страны, создать СССР, сделать первые шаги к советскому варианту социализма на путях нэпа.

Но Октябрьский переворот, целью которого было коренное изменение вековых устоев жизни и строительство принципиально нового общества (и, разумеется, государственности), разрушив, казалось бы, все — и старую государственную машину, и буржуазно-помещичье законодательство, и отжившую социальную и национально-территориальную структуру бывшей империи, наконец, святая святых — право частной собственности, по существу сохранил неизменной основную схему отношений между властью и человеком, а в некоторых отношениях даже еще более усугубил зависимое положение отдельного конкретного лица. Современник переломных событий в России начала XX в. поэт Максимилиан Волошин, как и многие другие видные пред-

¹⁸ Цит. по: Дыльнов Г.В. и др. К вопросу о реформировании политической системы Российской Федерации // Политико-правовое устройство реформируемой России: планы и реальность. СПб., 1995. С. 43.

¹⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 12.

ставители отечественной интеллигенции, находил их исторические корни и хорошо узнаваемые черты в прошлом и традициях страны, народа, власти:

«Что менялось? Знаки и возглавья?

Тот же ураган на всех путях:

В комиссарах – дурь самодержавья,

Взрывы революции – в царях»²⁰.

Незавершенность формирования гражданского общества, отсутствие демократических прав и свобод, институтов и структур политического согласия, подавляющая неграмотность и преобладание в массовом сознании революционно-радикальных и уравнилельно-коллективных начал, наконец, гипертрофированная роль самодержавно-бюрократического «цезаре-папистского» государства – все эти традиционные для страны факторы в условиях разгоревшейся уже в 1918 г. гражданской войны, обостренной иностранной интервенцией, но существу предопределили выбор Россией одного из наиболее жестких вариантов дальнейшего социально-политического развития. В общем контексте исторических процессов, происходивших в России и в мире в 20–30-е гг. прошлого столетия, все указанные обстоятельства создавали условия, при которых в стране весьма вероятно было сформирование тоталитарного режима, о чем еще задолго до 1917 г. предупреждал Г. В. Плеханов: «Революция может привести к политическому уродству, вроде древней китайской или перувианской империи, то есть к обыкновенному царскому деспотизму на коммунистической прокладке»²¹. Так оно и вышло.

Придя к власти и сделав выбор в пользу Республики Советов, став затем единственной правящей, большевистская партия во главе с В. И. Лениным по целому ряду причин (прежде всего из-за недостаточного социально-экономического и культурного уровня развития страны, оказавшейся к тому же в чрезвычайных условиях) была вскоре вынуждена изменить общую концепцию строительства новой государственности в России. Вместо марксистской модели государства коммуны в центре новой политической системы оказались вовсе не Советы с их межпартийной борьбой и демократией, не Советы как органы народовластия и самоуправления трудящихся, а сама большевистская партия. Монопольное положение большевиков в государстве, в свою очередь, предопределило сращивание партийных и государственных

²⁰ Волошин М. Избранные стихотворения. М., 1988. С. 228.

²¹ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956. С. 323.

ных структур, что заложило основы создания нового тоталитарного феномена XX в. – партии-государства, строящего «социализм». По существу это была система политаризма или этакратизма – общества, основанного на полном огосударствлении всех сфер жизнедеятельности людей (включая культуру, мораль, этику, образование, быт) и опиравшегося на абсолютную власть партийно-советской номенклатуры и господство заменившей религию коммунистической идеологии²².

Попытки формирования в период горбачевской перестройки и в постсоветские годы новой модели государства общественного компромисса по западному типу и культурно-идеологического плюрализма в условиях резкого ослабления отечественной государственности, распада социалистической парадигмы идеологии и культуры, проведения реставраторской (а не реформистской по сути) экономической, социальной и культурной политики оказались, как известно, во многом несостоятельными.

Государство современной России, как и ее экономика, и культура, может преодолеть затянувшийся кризис, выйти на дорогу подъема, но не на путях политики правой или левой реставрации, скрываемой за словесным фасадом рассуждений о реформах. Необходимо отказаться от широко распространенных и обычно противопоставляемых в массовом сознании фетишей капитализма и коммунизма, четко и ясно определить новую парадигму, осуществить, в частности, новое объективное и всестороннее исследование исторического опыта государственности России и ее трансформации, прежде всего на протяжении XX – начала XXI вв. При всей сложности, неоднозначности и, казалось бы, во многом противоположной целевой направленности особенно важным и небесполезным может оказаться, как справедливо отметил акад. Ю. А. Поляков²³, сравнительно-исторический анализ и осмысление исторического опыта революционных преобразований первой четверти XX в. и того, что произошло в развитии нашей страны и ее государственности на рубеже минувшего и нынешнего веков.

²² Подробнее см.: Гринев А.В., Ирошников М.П. Россия и политаризм // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 36–46.

²³ См.: Поляков Ю.А. Пути истории неисповедимы... // Свободная мысль. 2002. № 10. С. 87–93.